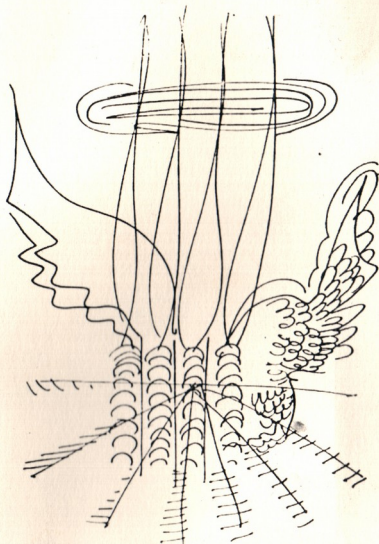

Александр Гордин

ПРЕДЧУВСТВИЕ

АЛЕКСАНДР ГОРДИН

ПРЕДЧУВСТВИЕ

СТИХИ

г. Иркутск

2015

Предчувствие любви

**Посвящается моей любимой
– Оленьке...**

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Предчувствие по сравнению с чувством более грубое глубокое и, одновременно, менее уловимое ощущение мира.. Я не знаю, какие я испытывал и испытываю чувства, когда прислушиваюсь к движениям, присматриваюсь к интонациям голоса, ощущаю на себе взгляд любимой. Даже находясь за сотни километров от неё, – предчувствую её во всём: в дыхании ветров, в изгибах деревьев, в пространстве площадей и полей, во встречающихся на перекрёстках судьбы людях... Ибо каждое дуновение ещё произнесённого слова, дремлющее подсознание, шальные чувства и многое другое – соизмеряются её «чутьём». То есть тончайшими (чуть-чуть!) ощущениями, с помощью которых происходят наши прикосновения к жизни.

Мы неделимы. Между нами давно уже возникла незримая связь, которая в последние годы стала окончательно неразрывной.

Что такой человек должен появиться в моей жизни, я предчувствовал с самого раннего детства. До встречи со своей любимой я бродил впотымах среди людей: брал в свои руки их руки, заглядывал в глаза, внимательно слушал их, но всё напрасно... Я их не ощущал, не видел и не слышал. Подобие этого дара возникло во мне после встречи-навождения с той, кого я сегодня очень самонадеянно называю своей женой. Разве можно называть женой судьбу?

Я не знаю, чем я смог её одарить взамен этой непонятной способности – перевоплощать свою душу в душу моих литературных героев, в том числе и некоего автора, который, конечно, более художественный образ, чем реальный человек. Но зато ясно ощущаю, что она, находясь каким-то чудесным образом во мне, является неотъемлемой частью не только моих материалистических блужданий по земле, но и духовных исканий во сне. Мы не расстаёмся никогда, даже во сне: моя любимая – постоянный герой моих сновидений, которые являются полноценной частью моей жизни.

Она сама по себе – воплощение предчувствия бесконечной весны: начала чего-то щемящего и ещё неизведанного, но желанного. Благодаря этому я часто забываю, сколько мне лет, и ощущаю себя листком в набухшей почке, которая вот-вот вновь раскроется, и он вырвется из плена тьмы-материи навстречу солнечному свету.

Она – предчувствие мысли, лучшая из которых всегда ещё сбудется, чтобы раствориться в душе подобно солнцу, выглянувшему из-за туч в хмурых волнах Байкала, и одарить своей хрустальной водицей жаждающих.

Она – предчувствие вечности, на неизвестном фоне которой смерть кажется не небытием, а очередным важным, во всех отношениях, а не трагическим событием. Ведь завершение чего-либо есть всегда начало чего-то нового, но ещё неизведанного.

А пока мы вместе. И я предчувствую, что это навсегда: меня не покидает ощущение, что в нашей любви ещё много нового и неизведанного. Всё только начинается. И как

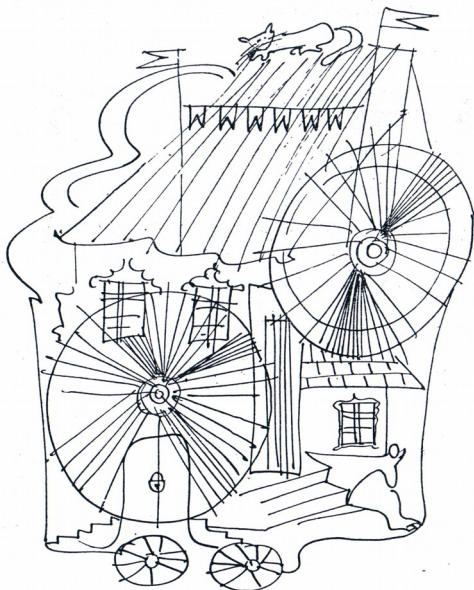
сказал наш общий автор: «Жить, да жить нам – умереть слабо!»

Александр Гордин

Р. С. В сборнике, который вы держите в своих руках, собраны те стихи, которые были адресованы или посвящены Ольге Гординой (ранее - Сомовой), начиная с нашей первой встречи в середине 80-х годов во Дворце культуры химиков г. Усолья-Сибирского на конкурсе политической песни. Часть из них уже опубликована в сборниках стихов «Скрипка дерева» (2007), «Ночной приют странников» (2007), «Язык шершавый сумрака» (2009), «Голос ослепшей птицы» (2011). Другие – увидели свет впервые, изъятые из полумрака записных книжек и тетрадей разных лет. Поэтому некоторые из них несовершенны, наивны... Но в этом и заключается их ценность для данного сборника, который вольно или невольно – дневник, повествующий об истории любви двух обыкновенных людей, которым случилось счастье жить на рубеже 20-го и 21-го

веков от Рождества Христова на нашей
маленькой Земле.

ИЗ КНИГИ
«НОЧНОЙ ПРИЮТ
СТРАННИКОВ»

Как легко потеряться и, став потерянным,
обронить, как колечко себя,
в доме, бытом, где все соизмерено
и минут бестолковых гурьба,

озверевшая, обеспамятев,
ведут дьявольский хоровод.
Кто-то в черном кричит: «Этот – занятый!»
Утро, ночь ли и вот...
Мчишь, по заданной им же параболе,
подхваченный вихрем страстей...
И мечтаешь, что завтра пора бы
стать внимательней и добрей.
Но, вдруг, взглядом твоим отрезвленный,
как с похмелья, нагой, в простыне,
просыпаюсь непобежденный
в чистой комнате. Муторно мне...
Но, и даже насквозь потерянный,
обронивший в блужданиях себя,
снова, свято, в глаза твои верую,
то ли женщина, то ли судьба...

16 января 1996 года

Всю ночь напролёт в нашей маленькой комнатке
чайник урчит на плите.
Мы сбежали! – В стеклянном квартирном омуте,
жизнь, как на школьном тетрадном листке.

Но, эмигрировав в лунные просеки,
ртутью облитых в жилах снегов,
мчимся и мчимся сквозь дерзкие проблески
снов, и улыбок, и ласковых слов.

Плачем иль смехом застигнуты с вечера
своих несмышлёньшей (неба детей!)
вдруг, понимаем: сказать нам им нечего
о жизни и смерти своей.

Пространство тоскливое: серая лестница
в подъезде, а в комнате – восемь шагов,
кривая ухмылка декабрьского месяца
и даль неоконченных строф!

Вот так продолжаем свою эмиграцию,
когда, неизбежно, я – странник, ты – страж.
И, даже во сне, снова лужами клацая,
вершим или «от», или «до» вояж!

Но лучше, все ж лучше! – Сквозь время песочное
уйти, убежать, раствориться (чтоб жить!)
чем это, щемящее сердце безочие,
среди липкой, петитом разбавленной лжи...
И пусть эмиграция! Со своей заграницею:
собой заградиться – тебя оградить,
от всех слепышей, с потускневшими лицами,

что в жмурках судьбы очень любят водить.

Я вам пишу под впечатлением Санкхья.
Мой дуализм, как «изм» любой – ограниченье.
Но эхо тихое, то ль неба, то ль стиха,
рождает слов особое свечение.

Хранимые душой, ранимые от глаз,
и в позах тополей, и в прозе городов,
где романтично серебрится грязь
и жизнь короткая у башмаков, –
я вам пишу! Как будто бы всерьез
необходимо всем нам это позарез...
И снова «быть или не быть?» – вопрос,
несущего свой крест.

Как будто можно «быть», когда обрубкам тел
читает чрево лишь урок,
а ты – наполовину бел,
и дуло ищет твой висок.
Ведь Хронос – хор безумных птиц,
в их клювах столько южных звезд,
что я всегда почти безлиц,
когда их слушаю до слез.

Все дело в том (будь проклят я!),
что угадал, как страшно нам...
И, в раздвоившемся вдруг смысле бытия,
я телом здесь, душою – там...

Как солнечно и холодно одновременно.
Одновременна боль и радость.
Одновременны солнце и луна.
Одновременны время и пространство.
Как мне – одновременно!
И, непременно, в силе – слабость...
И не приемлю я без ночи дня.
И, может быть, одновременность нас,
гранитных и живых
предрешена? Кому крыло – душа,
кому душа – крыло.
Кому и час – столетье,
кому и вечность – час...
И бытие то ль – вздох, то ль – выдох:
единство страшное,
где зло с лицом добра.
Где, сквозняком в груди – ветра!

Где вой и стон, на протяжении веков –
на протяжении моих мгновенных глаз...
Где сны мои, как кролики в огне!
Где вместо песни кандалов,
порой черемухи рассказ,
что, как в бреду – в цвету,
на растерзание – в весне!
Где стрелы стелятся в пыли
и сердце, сжатое в ладонях татарвы,
придушено. А я, еще живой,
гляжу, как вертится вдали
волчок сентябрьской листвы.
И мир, готовый на покой,
в расширенных зрачках ночи,
таит загадку звёзд,
как возрожденья. И вот
вновь пульс дождя за окнами стучит!
Вновь очертания безумных грез,
безумней у меня,
чей разум – большеротый идиот!
И над полями, заключенными во времени,
со мною вместе, вместе с чудаком Рембо,
под крыльями невидимых, но сущих сфер,
мы все – одновременные!

И жить, да жить нам! – Умереть слабо...

Уставшее небо спокойно. Беззвёздное.
Рассыпаны по снегу бусинки слёз.
Печальными, черными гнёздами,
мой город, загадочно каркнув, пророс!

Средь сумерек этих царящих: на улице,
в аллеях, в подъездах, в застывших глазах –
прохожий, невольно, от смеха сутулится,
а страх зажигает ухмылку в устах...

И, в грустном безмолвии, очередь корчится!
Забор от листовок – испуган, щербат!
Но вот удивительно: жить всё же хочется
и люди, как встарь, о любви говорят.

Ах, мандариновая нежность
твоих ослепших губ!
Как восхитительна небрежность,
забывших разум, рук.

Вино, мелодия туманов,
оглохших окон чистота –

ведём себя мы как-то странно,
когда нас ищет нагота.

И я пуглив: сгорая, свечи
мгновенье светят в темноте,
так точно, тают твои плечи
в смеркающемся мне.

1995 г.

«Напиши обо мне – напиши.
Я – ещё и, увы, я – уже.
Что-нибудь обо мне для души,
хоть две строчки сейчас напиши.
Я не верю, что образ весны,
можешь сразу создать ты для всех.
И не лги. Слишком краткие дни,
слишком краткие ночи во сне.
Слишком ты углублен и ворчлив
И не видишь, как больно во тьме.
Я согласна, что жизнь – это миф.
Значит, должен он быть обо мне...».

Ожидание оживания
в дымке самых таинственных слов.
Очень, очень земное желание,
вдруг срывает одежды покров.
Отстраненность какая-то странная,
как отлёт журавлей на Юг.
Моё тело совсем бездыханное:
нет ни крыльев уже и не рук.
Только лава спящего шепота,
только ветер в устах и глазах...
Так из двух одного кто-то лепит,
все, записывая на небесах.

1994 г.

Акростих

Останься в строке сердец перестук! –
Любовью движется весна!
Едва коснешься, Оля, рук
И оживут мои уста!
Март звездною сверкнет волной,

А в сердце вздрогнет Юг.
Шали! Пока безустый мой
Евангелический петух...

Что нам выпавшим из времени
капли звёзд и капли слёз?
Чья рука лежит на темени?
Чей там голос средь берёз?
Это только всё нам кажется:
боль и радость, день и ночь...
Если любите – отважитесь
и на сына, и на дочь.
И окошко занавесите
кипой детского белья.
Но придут во сне известия,
кликнет небо и земля
и – очнётся разум музыкой,
и – засветятся слова!
Мы взойдём дорогой узкою
в бесконечные себя!
Станет тихо и задумчиво.
Только ходики в углу,

будут до смерти заученно
бормотать: «Люблю, люблю...».

1994 г.

Пережить холодильника пустоту
можно. Но впустить в себя пустоту – не готов!
Если придется, вымолвлю, как вымолю:
– Милая, дай наготу
ощутить твоих слов! –
И я ноги твои перед сном нежно вымою...
Дай послушать ночного сверчка. Безумия
дай простоты! Чтобы наш разговор
был сплошным многоточием...
Оживи, заклинанием уст эту мумию:
забравшись в меня, словно вор,
она казаться всем мною хочет.
Знаю, трудная роль быть сиделкою
и стеречь мою речь
между готовкой и стиркой.
Только, как же еще от подделки
себя и других убереечь,

когда каждый день под копирку?

30 апреля 1996 года.

Наше небо в апрельских лужах.
Оно льдинкою тает на наших ладонях.
Под панцирем тела ворочается слева.
Нам тупые мечи слов еще послужат,
ржавеющие в ножнах тетрадок сегодня.
Кровь рассветов уже не прольётся слепо!
Мы верим в своё богатство:
в коченеющих пальцах
горсти снежинок, ворохи черновиков.
Наши любимые – гордые нищенки.
В огне поцелуев
варят похлебку скитальцам
до всех земель, до всех веков.
Мы государствам кажем дули.
На наших бумажных щитах
горящей империи клеть.
Мы непобедимы,
вооружённые желанием умереть...

1989 г

От темного в спальне угла,
до духотворной храмовой выси –
ищем везде, исцеленье от зла
и добра, надеясь, что мыслим.
И, как мотыльки, у кровавых свечей
лизнув огня, долго падаем в бездну -
безнадежное скопище светлых людей,
превратившихся в звёзды...

Мы разминулись, как день и ночь.
Слава Богу! – Разные на срезе
слова. Падают лица,
хранимые на живулечки улыбки. И – прочь
колченогие руки! Милые грезы! –
Занозы желаний, бескрылые птицы,
шевелиющийся во мне рассвет,
который тронет деревья после меня...
Он, как льдинка, растает на моем лбу,
ставшем землей. А, пока, я и ты – ветер!

И мне достаточно этого сна,
который записываю коротко: «Люблю...».

1990 г.

ВКУС СОЛЕННЫХ ГУБ

1

Четвертый год весной одурочен.
Спешит трава сквозь талую листву.
И плюнуть против ветра мне слабо.
Слабо влюбиться наудачу...
Себя ночами не зову
в стране цивилизованных рабов.
Слабо коснуться полотна

Оля и Саша – 90-е годы

чистойшей незапятнанной души.
И в клетках роц берёзовых
пою. О, выпил я до дна
свой день. Но платье милой зашуршит –
и в пальцах оживают грозы...

2

Сирень и ливень. Вкус солёных губ.
И вздохи лыв под вольными ногами.
И серый холст окна, а там
мы у художника в гостях и, на бегу,
весна роняет между нами:
кусочки солнца, птичий гам,
кленовые растрепанные тени,
кудахтанье грозы,
рассказанное ливнем.
И не любить мы не могли...
И вот – моё стихотворение.
Оно, как вихрь мазков вблизи,
что дразнит строгость линий.
Но ты возьми его: пространство лет
прекрасней сделают лишь твой портрет!

3

Пусть неслух слов.
Пусть неслух мысли.
А май – с беспечным томиком тебя в руках!
Я вслух читаю не назло
и первые рукописи листьев,
и боль, и радость, затаённые в глазах.
И знаю: здесь, за поворотом,
из кухни в комнату, от люльки до плиты,
живут и скрипы половиц,
и плач малышей наших. Кто-то,
спасая нас от суеты,
к нам лица птиц приворожил...
И, крылья сложив,
мы думаем, что полетим еще, быть может...

4

Из горла улицы сочится рассвет.
Лезвие ресниц у моих губ.
Я двойку ставлю вновь весне.
Наверно, глуп. Наверно, груб.
Но что же делать, если в клюве
у воробья пушинка солнца,
считалка «любит иль не любит» –
уже других бессонница.

Нет! Мне в привычку не вменить
сквозняк лица! Пусть снова осень
в ладье луны меня кружит
и через ночь к тебе уносит.

5

С моей милой ночь
горяча и мгновенна, как выдох.
Мне так мало ее, но, как видно,
жизнь спешит, как и слово, прочь...
Ограничена кухней свобода.
Двое деток за руки ведут.
Чай полночный мы пили тут –
почти на земле и почти у Бога.
Целовались. Чтоб губы – усталые!
И головою касались плеча,
чтоб луна, очень тихо звуча,
наши щёки сребрила впалые.

6

Я втиснут в прямую линию.
Ослиной шкурой грозит мне осень.

Оля и Саша в первой своей квартире

Сносит меня по течению, сносит...
Просежь уже. Ночную лилию
луны стыдливо прячу между строк.
Урок учу многотерпения:
теченье рук твоих мне впрок
дарит бессмертные мгновенья.
Но я всё тише и кратчайшее,
прямолинейный виртуозно.
Чуть грозно, невзначай,
«на чай» себе весну дарю. Не поздно ль?

7

Твои звонки через ночь соединяют
затмение луны с затмением души.
И – просветлённость сердца! Всё – ты!
И образы стихов забытых воскресают,
чтоб ад пелёночный наш сокрушить!
Чтоб жить среди печальной пустоты
и радоваться маленькому чуду
рождения детей. И быть счастливыми
от сессии до сессии. От глаз моих
до глаз твоих,
когда повсюду
убийство слов, стихов полночных срывы,

которые необходимы
для нас, пока ещё, живых...

8

Ночь с льдинкою луны в зубах
прочь крадётся мимо тебя и меня,
удары сердца, расставляя запятыми.
Архитектура утра будет снова груба:
сначала бледного просвета струна,
потом кирпичи волн золотые.
Потом уголёк солнца ветер раздует.
Травы распрямят свои спины.
Деревья достанут свои смычки.
И чадушек наших разбудят
хлопки крыльев птиц за окном,
похожие на тычки
выстрелов в затылок.
Не бойся, дорогая...

9

Я западаю в тебя, а ты западаешь в меня.
И Западом нас не напугать!
И – справа налево, как с Востока на Запад!

И – упрямо от ночи до дня!
Через заклатья. Не лицом на Восток.
Пусть – туга!
Пусть – пурга! Пусть – не заповедь!
Я сегодня – темь! Я сегодня – темень!
Я сегодня темный от чувств. Но рукою-лучом
прикоснись ко мне, и – забрезжит рассвет!
Никогда не скажу: «Ты – темнуха».
Не затухну всю ночь! А потом,
когда утром забредит оконный просвет,
я прозрею в тебя.
Ты научишь губами меня говорить
и в зрачках наших тысячи лун сгорит.

10

Пропал мой голос, как про-падают листья
сквозь осень и – меня.
Как пропадает бездомный пес
от одиночества. Как быстро
пропал я на скакалке дня,
приняв житейской суеты «прыг-скок» всерьёз.
Пропал мой голос. Я молчу.
Жду слёз. Жду рук твоих.
Жду плеч. Жду губ. Жгу факела своих стихов.

30

Вот-вот я научусь
восторженности зрячих, но глухих...
Вот-вот наступит мой Покров.
Ну, а пока, я про-падаю, сквозь сотни лет –
в тебя. И счастлив, ибо знаю,
что завтра – глаз твоих рассвет!

11

Я о любви писать не устаю.
Листая ночь страницей одеяла,
немало я прочёл прекраснейших поэм.
А всем ханжам, с отпавшими устами,
перстами в спину жалящим, у коих дьявол
алый во рту живёт – им всем! –
рекомендую сих стихов креплённых не читать,
молчать по три часа на дню.
«Адью!» – сказать всем женщинам на свете
и ... чрез неделю он станет почитать
мечтателей. Потом, ещё через одну,
к вину потянется. И вот, однажды, на рассвете,
поверьте (такова судьба!),
в поэты посвятит себя.

Обезручило сердце. Обеззвучила осень.
Только – чу! Кто сквозь вечность немой?
И восторг, и тоска этот взгляд!
Как волна, он возносит.
И он – мой. И – не мой...
Чей за мною свершился пригляд?
Кто из зыбки, так зыбко влечёт?
И я – верую! Осязаем, как боль!
Преклоняюсь пред чудом полночного чада.
Он – лишь домысел мой. Мой – нечёт.
Быть собою дозволю
с тобой рядом?
А в ответ, лишь: «Агу!».
Что ж, его я в стихах для тебя сберегу...

Шмели прилетели, шмели!
И верба светится,
ликуя прозрачным крылом!
Давно ли метели пели –
холодные белые птицы,
а мир уже – невесом.

Садится бабочкой на лоб.
Гадает по ладони.
Плачу государству налог
горстями теней,
а стихами – милой.
Потому что – весна!
Потому что шмели прилетели.
И жизнь поцелуями мерим.
И летим, летим над землёй
стрекозою светящейся вербы...

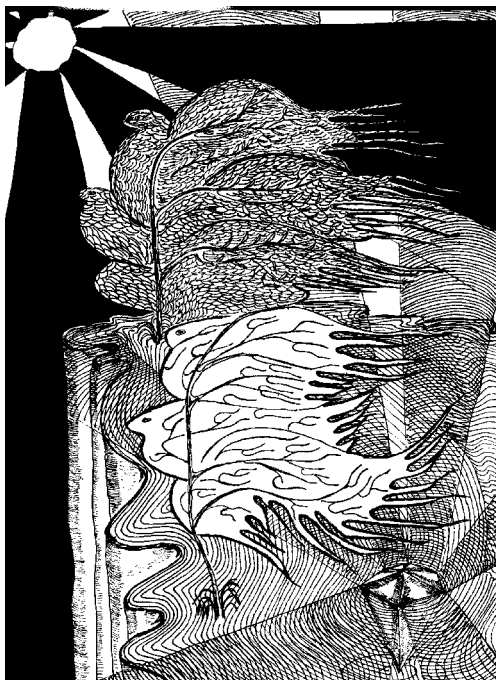
14

Ты неожиданна, как снег в июне.
Безумнее январского дождя.
И каждый раз – рас-путица...
Бес-путица моя! Лишь, словом дунешь,
распутовщины пути облетят.
Лишь закричишь: «Распни!». И –
нежная распущенность.
И – рук запутанность.
И – стонет кто-то под лицом.
Но – не подлец: вновь чмокает титёныш.
И снова жив, как будто –
хочется писать... Ведь над листом –

над пропастью – ты клонишь, клонишь...
Вот-вот в стихотворение сорвусь,
чтоб прочесть тебя всем нежным наизусть.

*Маша – титёныш,
Оля – молодая мама...*

**ИЗ КНИГИ
«СКРИПКА ДЕРЕВА»**

Давайте прощаться с комнатой нашей.
Ночами в окне наши лица
случайным прохожим казались ликами.
Нас изучали вахтёры.
Мы изучали любовь отнюдь не по книгам.
С умыслом шляпой делились мы здесь.
Каждый другому – казался!
Простим это юности нашей...
На этих стенах не взойдут уже наши тени.
Здесь умирать и рождаться другим...

Прощайте, уважаемое окно –
Око слепым не останется Ваше:
так же деревья перед грозами пляшут
шумной нестройной толпой.

Прощайте, двери!
Заприте покрепче от нас нашу юность!

Прощайте, клопы и тараканы!
Мы честно делились с Вами
своим хлебом и кровью.

обронены в сентябрьские лужи.
А мы уже мчим по кривой дня,
вдохновенно дирижируя симфонию
растаявшей ночи,
притихшим улицам
и первым снегопадам.

А за окном грозди облаков.
Уснувшие грозы, шевелятся
под сердцем у влюблённых дерев.
И вот уже день
заштрихован дождями.
Перечёркнут вскриками птиц.
Сделан из хрупких конструкций,
засыхающих трав.
Он, с душою ласковой дождевой лужи,
тычется в наше окно мокрым носом,
продрогшей на ветру бездомной собаки.

По утрам рукописи,
ещё тёплые от моих рук,
заливают нашу комнатку.
Приходят люди.
Кто принесёт чеснок или яблоки.

Кто поделится хорошим настроением.
Кто, открыв толстый том словаря,
переждет у нас своё взросление.
И, оказывается, что уже самые главные
стихи написаны,
простейшими пальцами прохожих
на витринах и окнах
продрогших домов.

3

А ветра уже порвали яркое
платье осени,
о громыхающий сук молнии
последней осенней грозы.
Чёрные ветви незаконченных предложений
цепляются за душу.
Все поезда убежали за горизонт.
Самолёты напоминают
больших неуклюжих птиц.
Идущие навстречу люди,
проходят насквозь.
А ты молчишь...
Даже со спешащими мимо авто

невозможно поговорить по душам.
И вдруг! –
Приютит кинотеатр добрым,
старушечьим лицом контролёра.

И долго ещё будешь хранить
разорванный ею билет,
как свидетельство
сбывающихся в жизни чудес.

4

В светлом здании твоего тела
нашла приют наша девочка.
Она, настоящая на грозах,
на солнечном свете
и прощальном крике журавлей...
Она – лучшее наше стихотворение.
Заклинанию спиц в твоих руках
подвластен и будущий джемпер,
и эта ночь без одной петельки
моего блуждающего по снам тела.
Но одно неосторожное движение и ...
Ах, эти женщины!

Я категорически против того,
чтобы им одним доверяли пряжу жизни.
Но смешно! – Ты, с клочком
непокорных кудрей,
в небрежном сарафане,
спадающем с одного плеча,
вечно расшнуривающейся одной туфле,
с бабочкой броши на груди,
а я робею, как мальчишка,
перед чудом твоего существования.

5

Милая!
Знаю, ты любишь забаву шелков! –
Одену тебя в бормотание пчёл
и сверкание листопада.

Милая!
Ты – божественна:
двери всех храмов-лесов
и часовенок-рощ –
настежь перед твоим величием!
И насчёт богатства
можешь не сомневаться...

Что презренные эти бумажки?
Их, зелёные, жёлтые, красные –
бросают нам под ноги
щедрые берёзы и тополя!
И мы, ослеплённые роскошью этой,
затаив дыхание,
как сорвавшиеся листья,
колобродим бранные
на заблудшей Земле.
Так и быть,
обещаю тебе всё это.
А также, утренний и вечерний чай,
множество замечательного картофеля,
добрый застиранный фартук,
неслуха дочку,
и себя, усталого и грустного.
Такое оно, наверное, и есть
человеческое счастье...

6

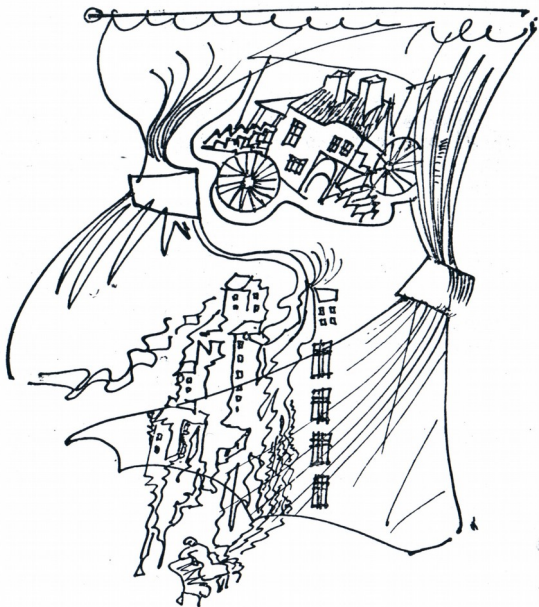
Выдуваю через солнечную соломинку дня
легчайший стрекот кузнечика.
Изучаю через дыры луж небо.
Прислушиваюсь к шорохам звёзд.

Пытаюсь даже сочинять стихи,
но ничего не получается...
Простите, мои строгие учителя
деревья и птицы:
я всё ещё косноязычный
ЧЕЛОВЕК...

1988 г.

**ИЗ КНИГИ
«ЯЗЫК ШЕРШАВЫЙ
СУМРАКА»**

Жила-была девочка
на самом краю неба.
И это не небыль.
И она – не Евочка.

Хотелось быть птицей.
Чтоб платье – ветер!
Взмах крыльев – и светел
я, безлицый...

Бросил словом-радугой,
а одарил – росинкой.
Стал же – паутинкой.
Чему же радуюсь?

Вместо перьев – пальчики,
мокрые от стирки.
От стихов – лишь дырки,
от любви – лишь девочки,
ну а, позже, мальчики...

Что это? Уходящая юность?!
Помашу-ка ей,
разодранной на колене штаниной! –
Здравши подол свой таинственно-длинный,
не ты ли меня обрекла на разгульность?

Не кладай листвою и ты, ведьма, – осень!
Поперхнёшься ногой моей гениальной!
Потому что стихами, очень специально,
ставлю, как двойки, вопросы...

А дырку в кармане заткну снова пальцем.
Довольно и монеты-луны, не правда ль?
Мне, кажется, ты, подруга, не рада,
что жизнь разломила с усольцем?

Счастливейший, стены упрятав в обои,
себе разрешаю быть папой, любимым.
И думать: пресветло грешны мы...
Что ж, выпить за это, право, стоит

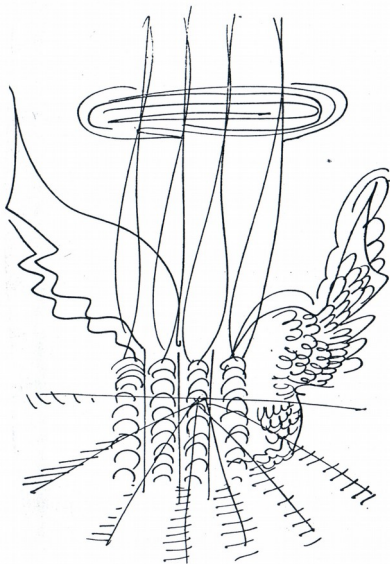
Сегодня во сне
я разбился нечаянно.
Но утро не стало грустней
и это – печально...
Мгновеничующий голос кузнечика,
живёт дольше тени моей:
но, сложив над стиркой крылья в плечи, –
верую в просветлённый лепет своих детей.
Безумею от Розенталя,
читаю сказку про «Мисю»,
но и этого мало –
бред сей записываю...
А поздно ночью
слышу: «Милый,
ты очень-очень
большой и сильный...»
Сегодня ночью
я разбился нечаянно...

И вот антиритмы снова.
Милая, приходи ко мне.
Мы поиграем в ласковое слово.

В котомку, как приходниче
положим поле, положим горы.
Видишь, берёзы вздыбленные, как крик,
роняют снова листьев ворох
сквозь осень и меня. И я привык,
пронизанным быть этим светом,
этой мыслью, этим всплеском чувств.
По-прежнему, я сломан летом.
По-прежнему, без крыльев, но лечу!

**ИЗ КНИГИ
«ГОЛОС ОСЛЕПШЕЙ ПТИЦЫ»**

НЕПРАВИЛЬНЫЙ АКРОСТИХ

О, ночь!

Л

Бешь в душу туюю холодной струёй

Голых дерев, комнат пустых,
недочитанных книг.

А разве мы виноваты,
что раздали друзей

Городу, жадному, как миг?

Обуты, почти одеты и сыты,

Родней считаем бродячих псов.

Дорогая, прости! Ты

Идеальная жена: все завтраки слов,

Недоваренные в этой великой ночи,

Ангельски покорно ешь...

ТРИПТИХ

I

Апрель начинается в нашей комнатке
стебельком Маши в кроватке.

Загадки наших снов отгадывает день.
Тень их мелькает всю жизнь
между нами.
Нам преподаёт урок слова дочь:
«Нихочу, куки, цыты, баки...».
А мы же – «каки», вторим ей:
«Зарплата, очередь, талоны...».

Но капель! – И мы не в соре,
хотя негласно спорим
кто лучший Машин ученик.

II

Я хотел придумать стихотворение,
а получилась дочка.

Я хотел написать поэму,
а пришла весна,
и мы с ней начали подумывать
о книжке стихов...

Но как её издать
на листках подгузников,

когда шрифт листьев,
рассыпан на первом снегу
и уже свёрстана зима?

Но мне совсем не страшно
в тени твоей...

III

Если бы мой язык был
единственной струной
и тогда бы, научил скользить по нему
смычок осенних деревьев,
чтобы слышать музыку
твоего сердца.

В дырку колготок моей ненаглядной
сегодня сквозил ветер тёплых пелёнок.
Пленные ноги её – крылья бабочек,
два луча из тьмы.

О, если б не сумерки стихов!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Она была как долгое «О-о-о...» -
бесконечность и совершенство,
а стала – дыханье моё...
Где я? Где она? Осень, шествуй
по улицам наших свиданий.
Грани света и тьмы изучай;
диалект остановочной брани;
всех влюблённых в ночи привечай;
душу грустной листвы освети.
Может, где-то и нас невзначай
сможешь в звуках и свете найти...

1989 г.

СЛОВА

Знаешь, Оля, бывают слова,
как ветер, как волны:
встрепенётся душа-тетива,
и стремительно движется полночь!

Неуклюжие дети-слова
лепечут во мне словно птицы,

и кругом идёт голова,
и кружат листвою страницы!

Долгожданные эти слова,
как плечи в ночи любимой,
когда выюжит людская молва
а в сердце – непроходимо...

Я верую в эти слова,
как в солнце иль грозы –
отцветает в них дней синева
и зреет осенний воздух...

1985 г.

ПЕСЕНКА О СТРАННОМ ПОЭТЕ

Жил да был на чёрно-белом свете
поэт-волшебник – просто так!
Считал, что он за всех в ответе,
а все считали: «Вот чудак!».
Раскрасил мир словами странно,
не раз просили: «Ты уймись!»

И вот, однажды, утром рано,
ушёл на час – пропал на жизнь...

Любил он больше пешеходных тропок
карнизы питерских домов,
хотя и был абсурдно робок
обычный маг обычных слов.
Но вы улыбнитесь, что за страхи?
Не открывайте чёрные шторы!
Поэт, как положено, умер на плахе
и, как положено, воскреснет скоро.

Огромную шляпу неба наденьте,
раскурите трубку его души
и, взрослых детей, вы, взрослые дети,
спешите стихами его рассмешить!
Да, здравствует жизнь! Я видел вчера
живым его в городе нашем и знаю:
ему девятнадцать! Что ж, знать, мне пора,
коль вправду поэты потом воскресают...

1986 г.

Воронёнок,

вытавший из гнезда...

ВОРОНЁНОК

Ты говоришь: «Как здесь всё ново!»
Как будто в городе мы другом,
и – начинаю я верить снова,
что мы живём, что мы живём.

Ах, ты птица! – Птица моя весёлая! –
Хлопай крыльями, хлопай во мне! –
Во полях по притихнувшим сёлам
на ангарском сиреневом дне...

Ты ль сквозь душу дырявую клёнов
хочешь мир сей со мной поглядеть? –
Искривлённо, но разветвлённо
песней себя, навзрыд, прохрипеть!

Ах, ты милый, милый мой вороненок,
выпавший из гнезда...
От тувель до сыпучих заколок –
взъерошенная судьба!

Я и верю, и я не верю
в чудо сбывшихся утром грачей,

когда жизнь моя за моею дверью,
а жизнь твоя – за дверью твоей...

Ты права! – И всё ж мне понятно:
нет, не ново здесь всё, нет, не ново! –
Деревянное, зелёное – возвратилось обратно
и живём, и живём мы снова...

1984 г.

Прокляните на счастье меня, дорогая! –
Отрекусь от ночей! В этом
что-то такое есть...

И навстречу рассвету опять прошагаю,
людьми и деревьями полон весь.

И снова вечер дождём искалечен –
зарифмую пространство, чтоб оно
не сбежало.

Там как два упрека – твои плечи –
ждут моих рук всю жизнь устало...

Проклянете и всё! – Не просите ответа...
Я уйду – безответна моя вина,
ведь душа и тело – два встречных ветра,
а ноги – одна сияющая струна.

Я сыграю на них соло солнечных дней
для всех одиноких в последних трамваях.
Проклянете на счастье – отрекусь от ночей!
В этом что-то есть, дорогая...

1984 г.

Безумство стихов – безумство любви,
Без умысла – не безрассудство!
И опять бессовестно поэты правы,
несмотря на беспутство и бесприютство...

Закрой глаза и открой окно –
приду к тебе тёплым ливнем:
я так не видел тебя давно –
побудем с тобой одни мы...

Когда ты вдали – ты родней мне, родная, –
родная случайностью жить...
Ведь жизнь – неправильность то же такая,
как мы, а иначе не может и быть...

Не бойся – не надо бояться счастья!
Непривычно, понятно, и всё такое...
Скажи незнакомцу этому: «Здравствуй!»
и поделись, улыбнувшись, собою.

Открой окно и закрой глаза –
приду к тебе теплым ливнем:
зачем мне эта весна, небеса,
когда с тобой не бываем одни мы...

Безумство стихов – безумство любви,
без умысла – не безрассудство!
И опять бессовестно поэты правы,
несмотря на беспутство и бесприютство...

1985 г.

Проклинаю тебя за то, что ты есть! –
Коленки мои молитв не помнят.
Но ты – это мир весь.
В такой маленькой – такой огромный.

Нескладная, как сосна на скалах.
Этим и прекрасна.
Каждый день познаю тебя сначала,
и ничего сердцу моему неясно.

Лицо твоё обронено в сотнях зеркал,
оно лепестком в зеркале Байкала.
И сам я тоже зеркалом твоим стал,
но тебе и этого мало!

Что же я проклят? – Ненавижу!
Ненавижу тебя, владеющую мной...
Но, слепой, безъязыкий – вижу:
любви не бывает другой.

1984 г.

Какое зелёное небо
в зеркальцах глаз твоих!
Миллионы лет я птицею не был –
обескрылили мысли мои...

Милая, платье рассветов надень.
Косы заплети из вьюг.
Пусть для меня начинается день
с тёплых волн твоих рук.

Я научусь на глаза твои молиться –
на своё зелёное небо!
А пока, нам надо с тобою проститься:
миллионы лет я птицею не был...

1984 г.

Хороший парус из моей рубашки,
когда руки твои струятся на плечи.
Нет прочнее узлов, чем из пальцев наших,
но, как вспышки, мгновенны встречи.

Ты не знаешь: глаза твои два обрыва.
В такие споткнешься и ... Но как хорошо,
Затаив дыхание, глядеть неотрывно
в них ещё и ещё.

1984 г.

Сотканная из солнца и теней,
со звёздной пылью на губах,
приходишь ты ко мне во сне
и отражаешься потом в стихах.

Осень-шелестиха
в платье тихом
руки со спины на глаза кладёт.
Угадай-ка кто пришёл?

Ветер подсказывает мне
погремушкой листьев,
а небо языком журавлиного клина...
Синицы на плечи садятся...

Торговка, пьяненько,
хвостищем машет омулёвым
у самого маво носища...

Ну как тут не слукавить?

«Знамо дело, девонька,
гулёны ль не признать!»

И весь вечер жёнушка,
жёнушка-молодушка
губки дует спелые...
Значить, брызнуть им,
ночью, мне на грудь...

Снежное лицо твоё
как буря,
как позёмка в сердце моём...
Я смущённо трогаю небо в окне...
Дай мне дерзости июньских снежинок! –
Пусть простыня наша
станет парусом наших книг...

Два печальных зонтика в августе...
Дождинка, прошмыгнувшая за шиворот...
5 часов 30 минут утра.
В серой дождливой мгле
волшебный фонарь семафора.
Закроешь и откроешь глаза:
красная листва, красный асфальт
и твоё лицо напротив...
Закроешь и откроешь глаза:
жёлтая листва, жёлтый асфальт
и твоё лицо напротив...
Закроешь и откроешь глаза:
зелёная листва, зелёный асфальт
и ... твоя электричка ушла.
Значит обжигающий кофе пить
и заглядывать вновь
в воображаемые твои глаза,
ловя в них отблеск
 воображаемого семафора.
Потом слушать тихое,
воображаемое дыхание твоё
и музыку высохшего дождя,
медленно превращающуюся

в музыку стихотворения.

Вот и вновь наша жизнь уместилась
на ладони тетрадного листа...

8 августа 1994 года

В ладонях наших детей
сгорают наши крылья.
Им, радостным, тогда теплей...

Ты знаешь, дорогая,
этот карапуз,
которого я запросто называю Сердцем,
сегодня значительно подрос в моей груди!
Значит, я всё ещё люблю тебя,
значит, всё ещё леплю себя
из твоих надежд на лучшее –
сшитой тобою для меня на вырост одежды...

О, сердце моё!

Ты знаешь, дорогая,
оно стало таким весёлым и непослушным:
шалит,
язык показывает

самым красивым женщинам
и самым смешным воробьям,
стучится во мне громко по ночам –
сбежать, наверное, хочет...
Радуюсь его радуге чувств.
Мой дом тела
никогда не будет пуст,
пока в нём слышаться вскрики
рождающихся и умирающих слов.

О, сердце моё!

Ты знаешь, дорогая,
мне кажется,
когда оно станет взрослым совсем,
оно пойдёт своей дорогой
туда, сам не знаю куда
и принесёт тебе то, сам не знаю что...
Только крепче держи нить этого
жизнелюбивого клубка,

сделанного из клуба облака,
из клёкота чадушек наших,
из чада бессонных ночей,
когда у меня,
то свеча в руке, то молния...
Виток за витком –
всё меньше пространства в груди,
всё шире горизонты строк...

О, сердце моё!

Знаешь, что, дорогая,
свяжи из него, пожалуйста,
некрасивую птицу,
и дай попить из ладоней своих,
чтобы тесно стало в клетке квартиры нашей,
где превратились
в золотистые паутинки чувства,
где тёплая пыль хранит прикосновения,
где шорохи штор воскрешают шепот,
но нет, главного, – неба!
Пусть мы станем крыльями этой птицы,
её глазами,
её голосом,

который расскажет детям уже всей земли
правдивую историю нашей любви...

О, сердце моё!

1993 г.

МОСКОВСКИЙ ДНЕВНИК

Здравствуй, Москва!

Я на узкой ладони эскалатора
присмирел, как молодой солдат
перед первым прыжком с парашютом.
Мне уже известно, что на Крымском валу
художники босиком спасают картины свои,
а в Третьяковке молодой монах
на полотне Павла Корина
смотрит на нас глазами Павла Флоренского,
что в просвете между липовой рощи
на Коптеевских прудах
виден дворец графа Разумовского,
и стареющая поэтесса
на глазах у своих читателей
превращается в женщину
с загадочным именем Мария...

Здравствуй, Москва!
Мне уже понятно,
что нищие на твоих папертях
не берут подаяния апельсинами,
а в аэропорту Домодедова
хозяйничают бездомные коты
и три дежурных рэкетира,
которым испуганно улыбается
продавщица bistro.
Попутно мною сделано открытие,
что у меня ещё крепкие руки,
которым, пока ещё, под силу
удержать своё тело на балконе
пятого этажа, когда сердится поэтесса,
а потом, минуту спустя,
пьёт со мной дешёвое вино,
двусмысленно называя меня мужчиной,
обречённым на успех...

Здравствуй, Москва!
Ты удивляешь меня: плодами каштанов
трелями соловьёв, цветом липы;
смердящими водами Москвы-реки,

живущим под землёй
кольцеобразным змеем Метро;
бараками в глубине парка
на Ленинградском шоссе;
убогой гордостью москвичей
прудами и аллеями,
не знающих,
что такое вечность Байкала
и первобытная красота
горной речки Снежная,
где стада туч
так же запросто отдыхают
на склонах гор,
как троллейбусы ночью
на конечной остановке
станции «Войковская»...
Мои ладони до сих пор хранят
влажную свежесть их «шерсти»
и я мучительно ищу
среди запахов цветения липы,
призывный – свежепойманного омуля...

Здравствуй, Москва!
И – прощай...
Потому что, если мне даже
сегодня улыбнётся в трамвае
самая красивая девушка столицы,
вечером всё равно начнётся прилив сердца,
волны которого вынесут меня
на берег одинокой квартиры,
где от тоски давно засохла сирень
и на чистом листе бумаги,
брошенном на письменном столе,
записано единственное слово:
«Любовь...»

1993 г.

ЗАРИСОВКА

Ночь.
Сегодня дышит нежно Баргузин.
Я протягиваю всё ближе и ближе
руки к костру,
и сквозь пальцы смотрю
в мятежную душу огня...
Зябко на душе от его жара,

Но это – не боль,
это – жажда жить,
возносясь искрою в небо...
А завтра будет утро.
Тревожно зазвучит музыка Сармы.
Рыбаки поспешат снять свои сети.
Белые чайки
 с серебристыми хариусами в клюве
улетят к своим детям.
Мы укрепим палатки.
Приготовим свечи и вино,
бутерброды и гитару,
спрячемся в наши брезентовые домики
и наступит время
 дневных музыкальных молитв,
когда особенно загадочны глаза
детей и любимых,
а всё остальное не имеет значения...
Ведь пока ещё цветут для нас в мире
красные саранки и жёлтые лилии!
Всё так же восходит одуванчик луны
и жарок солнца
на тоненьком стебле
И ещё надо кому-то собирать

слёзы звёзд в свой блокнот,
вещающий в себя вселенную,
но не умеющий в себя вместить человека...
Ночь.
Тает небо.
Тают угли в костре.
Скоро утро...

Звуки,
рождённые в скворечнике гитары,
улетают.
Они меня увлекают за собой
и я за ними улетаю
в самопровозглашенное небо...
И тысяча самых разных вещей:
книги,
вороны с криком «кар»! в клюве,
приблудившиеся к городу пихты и прочее –
поднимаются над Землёй,
чтобы расправить свои крылья...
Чёрт возьми!
Ну, а как же быть с нашей квартирой –
совершенной курицей,

с одним,
и то подбитым домушниками крылом
входной двери ?!
С любимой,
забывшей
к каким пернатым себя причислять??
С дочуркой,
которая только и умет,
что птенячьи щебетать «Ам-ам-ам!» ???
Да и моё гнездо головы
совсем нежилым стало:
белые перышки черновиков
на полу ветер перелистывает...
Цветок в стакане и тот –
с облетевшими лепестками...
Пора приземляться.
В магазинах вот уже год,
как отменили талоны на колбасу.
Усольчане наслаждаются свободой –
глазеть на изобилие витрин.
А в Москве, вчера, танки
расстреляли российский парламент...

1993 г.

ВОСКРЕСТНЫЙ ВЕЧЕР

Я ученик, который не выучил урок:
иероглифы собственной тени
мне непонятны так же,
как символика букв и цифр,
но я им верю не меньше,
чем испуганному трепыханию
молнии в небе.

Я, идущий навстречу ветру,
скользящий в бездну слов,
готов поделиться с вами своим дыханием!
Но не умею упасть на колени
даже перед тенью своей...
Но не умею
вливаться в устья рек и вселенных.
Гордое имя моё имеет цвет и вес пыли...
Бледные руки мои, подчас, умнее глаз.
Тихие ноги, подчас, слышат
лучше вкрадчивой совести.
О, предметов загадочная суета!
Для вас достаточно одного туеска брусники
и ломтя засохшего хлеба...

О, предметов изнеженная тоска!
Для вас достаточно
прохладной утренней росы:
в каждом хрустальной её шарике –
тот, кто умеет родиться и умереть,
прежде чем солнце
зажжёт его сияньем своим...

Только бы короткий вздох любимой,
как жизнь падающей звезды!
Только бы,
протаявшее от луны пространство,
не сочилось капельками звёзд...

Любимая,
видишь, как в отдушину нашего окна
вечностью небо?
А нам совсем не страшно.
Можно даже налить бокал вина.
Потом его выпить
и послушать песни Высоцкого.
Ведь дети давно уже легли спать.
Ведь сотни голодных дел
идут безумно по нашему следу.

Ведь усмешка
змеится в краешках губ учителя,
который ограничен даже во сне
территорией школы...

Ещё мгновенье и закончится воскресенье.
А утром начинать жить сначала...
Передо мною тьма лиц
и лики небес...
Аминь!

1993 г.

Любимая!
Я возвращаюсь к богу своему – Слову.
Снегириная нежность во мне.
Замерзаю от взглядов
и некому меня в рукавице отогреть...
Так просыпайся же, мудрость, во мне
египетских статуй! –
О, безмолвность взгляда!
О, руки, прижатые к телу!
В душу смотреть всё равно что в вечность,
которая и так приглядывает за мной...

Жутко.

Значит, разлука с собой.

Значит, разлука с тобой...

А руки лишь тронутся с места
и – крылья!

Значит, падать и падать в небо...

Всё это было б смешно и картинно,
если б краюха поэтической луны
не превратилась

в краюху насущного хлеба 90-х...

Если б дырки звёзд

не были так странно похожи

на дырки в колготках нашей дочурки...

Всё.

Время на раздумья иссякло.

Впереди огромная пустыня из снега...

Как донести снегиря-сердце
до тёплых ладоней мамы?

Полночь.

Вторые сутки почти нечего есть.

Но досыта снов и признаний.

Здравствуй, Слово!

1993 г.

ЕМАРСКИЙ ДНЕВНИК

На длинных ресницах волн капли солнца.
Море особенно щедро сегодня.
У моих ног шевелятся крабы.
Как нахлынувшие воспоминания
пеною волн заливает следы в прошлое.
Но я всё ещё чувствую
вкус твоих солоноватых губ
и горячее дыхание у своего лица...
Это – прилив.
Это – признание.
Но это уже было...
На столе чёрствая корка хлеба.
Несколько глотков бренди на дне бутылки.
Холодный кофе.
И ты,
свернувшаяся в моей памяти калачиком,
на клетчатом пледе...
А здесь ветер!
И волны, жаждущие моего тела.
И небо, напомнившее земле,
что красивые облака в вышине,
приблизившись в ней,

прокатываются по тайге,
как огромный состав поезда,
из-под колёс которого
кричит, испуганная птица,
и деревья ломаются как травинки...
И песни тоскливые поют женщины,
глядя в тревожную даль моря,
из которого бутылки выносят послания
от их мужей, оставшихся жить в вечности...

А на улицах Усолья сейчас, наверное,
вновь полынь обнажила свои останки.
Они белеют во тьме,
как скелеты давно вымерших животных.
И я, мысленно, иду между ними,
вглядываясь в мерцание звёзд,
глядящих на меня сквозь ветви
ещё не оживших клёнов.
И каждая пустая консервная банка,
и каждый огрызок пожелтевшей газеты
кажется древним знаком –
посланием из давно минувших времён...

О, нити звёзд, связующие пространства!

О море, кочующее в недрах земли!
О, песчинка человека,
заблудившаяся в измерениях!
Любимая,
все-все наши с тобой разговоры –
это повесть о жизни и смерти,
которая уже давно записана
на письменах небес...
Одного взгляда на них достаточно,
чтобы понять
как мы прекрасно невежественны...

В Приморье весна.
Здесь на губах девчонок
шёпот моря и запах ветра.
Здесь в линии залива
мне чудятся изгибы твоих плеч,
а в волнах –
твои зелёные глаза.
Немного грустно.
Но хорошо!
Здесь на базарах женщины,
носят в сетках огромных крабов,

похожих на люстру с абажуром...
А вороньи гнёзда и грязь –
точь-в-точь усольские!
И кажется: вот сейчас из-за поворота
появится знакомое лицо...
Но мимо все спешат...
И я один.
Но это одиночество хорошее.
Какое счастье быть неузнаваемым,
почти невидимым!
Быть вне всего
и, одновременно, всем.
Об этом стоит, право, написать!
Что я и делаю,
не мучая себя размером или рифмою,
не мучая тетрадь помарками,
не мучая тебя, поскольку,
ты голоса не слышишь моего.
И этот день –
24 марта 1994 года –
тихонько превращается в листок,
засохший между строчек
книги жизни нашей...

1994 г.

ИЗ ПОЭМЫ «ВЕДУНЬЯ»

Ветер!

Я слышу голос твой, ветер! –

Ты зовёшь меня вдаль.

Как она называется?

Смерть, вселенная, вечность...

Жаль, что жизнь прожита,

а в кармане только один

чёрствый сухарик стихотворения,

солёный от слез последней

возлюбленной.

Но я ещё жив – я умею любить...

Ветер!

Ты – дыханье моё.

Так мучительна жажда полёта,

что боюсь, разобьюсь во сне.

Я – ветренный человек.

У меня ветер в голове.

Иду, куда ветер подует.

Открыт для всех ветров.

Ищу ветра в поле.

Когда безветрие на душе –

Я жду тебя,
как женщину ждёт мужчина.
Парус женщины – мгновение неба.
Парус неба, как парус женщины,
серым и скучным становится в штиль.
А звёзды всегда впереди.
Но я ещё жив – я умею любить.

О, ветер!

Она произнесла:

*– Я – Земля,
А ты – тёплый дождь.
Поцелуи твои прохладные
просочились в меня...*

Я непроизвольно ответил ей, не узнав свой
голос:

*Я хотел быть лучом,
чтобы только лишь коснуться уст твоих.
Безнадежна и безбрежна была*

моя тоска по свету,
звучащему в полночной листве
и в кристалликах рос.

– Я хотела лишь руку подать.
Поделиться безумством бездомности.
Было место одно
лишь на качелях кочевий моих.
В узелках моих дней было столько тоски,
что фонарик ночной моей комнаты
был открыт и для странствий,
и для странностей, и для странников.
Пили чай мы...

– Помню!
Как вдруг ветер в комнату нашу шагнул.
И – потоки сияющих слов!
И – пространство оживших картин!
Подсознания – вуаль!
Флейта тихая чувств!
Разум – ангел с небес.
Грязный, грубый, животный мир –
превратился
в полночную серенаду босого барда.

*Я хотел быть тенью твоей,
не понимая ещё, как мучительна
роль безмолвного пленника!*

*– Я хотела узнать, как рождаются ливни.
О чем думает птица, паря над землёй.
Где ночуют солнечные зайчики.
Кто сочиняет музыку снегопадов.
Откуда мне было знать,
что прикосновение луча
обрекает на мученичество светить!?
Нас было слишком двое в ту ночь...*

Дальше уже не совсем понятно было, кто и что из нас говорил. Да и говорил ли вообще? Может быть, это бормотали наши руки, волосы, соединившиеся губы, перестукивались сердца?

*– ... Да-да. Так мы умираем.
– ... Да-да. Так мы рождаемся!*

В это мгновение наши голоса окончательно слились и, как кристально чистый таёжный ручей, журчащий в

распадке, зазвучали негромким, грудным колоколом, тоскливый, неземной голос которого слышно далеко окрест.

*Изнемогающим от снов,
посеянным в расщелинах вселенной,
звучит: «Да, здоровствует **ЛЮБОВЬ!**» –
и будет светел лик их непременно.*

*Надевшим на себя ночной покров,
не видящим иные откровенья,
звучит: «Да, здоровствует **ЛЮБОВЬ!**» –
как клятва сотворения.*

*Изверившимся в тайне слов,
гурманам сладостных мгновений,
звучит: «Да, здоровствует **ЛЮБОВЬ!**» –
как вызов на дуэль без промедленья.*

*Для всех блуждающих умов
из света в тьму, от мрака до рассвета,
звучит: «Да, здоровствует **ЛЮБОВЬ!**» –
в которой скрыты все ответы.*

Слившись в объятиях с НЕЙ, я уже не ощущал себя чем-то отдельным. Мы растаяли, как снежинка на тёплой ладони. Два белых голубя вспорхнули с недостроенной колокольни и устремились ввысь.

ИРКУТСКИЕ СТРАНИЦЫ

*Совпадения случайными не бывают.
Некоторые совпадения заканчиваются
падением или вознесением тех или того, с
кем иные совпадают...*

Например, так уж совпало, что Оля поступила работать во Дворец культуры химиков незадолго до того, как это вполне культурное учреждение перестало быть одним из подразделений производственного объединения «Химпром», став бюджетной, то есть по нашим временам полугомерческой организацией. Сие событие совпало, надо полагать, тоже случайно с падением СССР...

Когда Оля легкомысленно перешла работать в среднюю общеобразовательную школу № 1 г. Усолье-Сибирского – вскоре, как вы догадываетесь, этой школы не стало... Правда, на её руинах появилось новое инновационное учебное заведение – гимназия № 1.

Повезло Слюдянскому районному отделу образования... Оно было очень близко к тому, чтобы принять в объятия свою воспитанницу в качестве какого-то, если не рядового, то неординарного работника образования, точно... Пронесло.

И поэтому отдел образования худо-бедно, но здравствует до сих пор...

Менее повезло Иркутскому педагогическому университету, который по странному стечению обстоятельств, не сразу, но всё же превратился в Восточно-Сибирскую государственную академию образования... Правда, всё идёт к тому, что академия скоро станет снова университетом, но уже в составе Иркутского государственного университета...

Я бы на месте его руководителей серьёзно взвесил все «за» и «против», прежде чем решиться на этот рискованный шаг...

Этот же совет я бы дал и администрации города... Кто знает, как «повезло» городу, администрации, а теперь и госуниверситету в связи с явно случайными обстоятельствами перемены сначала места жительства, а потом и места работы Ольги Васильевны Гординой...

Правда, в результате этих случайных обстоятельств, разумеется, также совершенно случайно, в 2007 году в Иркутске прошла «Неделя образования взрослых в России», в 2009 году открылась Высшая народная школа, в 2013 году состоялась «Неделя неформального образования» и начал претворяться в жизнь муниципальный социальный проект «Иркутск – обучающийся город». И всё это, подчёркиваю, произошло опять-таки совершенно случайно, благодаря новому случайному члену Общественной палаты г. Иркутска – Гординой Ольге Васильевне...

Так выпьем же за Олю! – Прекрасную случайность, без которой, наш случайный приход в эту жизнь был бы лишён прекрасной интриги падений и обязательно следующих за ними головокружительных взлётов!

2013 г.

Привычка жить – не значит жить...
Я понял это лишь тогда,
когда мы встретились... Наш быт
наполнен радостью всегда
открытий трепетных в себе
безумных, в общем-то, идей...
Но, воплощённые в судьбе,
они даруют нам людей,
которые, на протяжении многих лет,
дыханьем трепетным своим
наш освещают дом и хлеб.
И мы – сей мир творим!
И мы творим себя,
как некогда на этот свет,
любимы и любя,
мы привели (сомнений в этом нет)
два солнечных дитя.
Привычка жить – не значит жить.
Отныне вместе навсегда:
порознь нам уже не быть...

Я много ещё про тебя не знаю...
Хотя, быть может, лет сто назад,
возможно, в Индии или в Китае
нас обручили... Монах или маг,
играя причудливо подсознанием
вновь заплутавших в небе детей,
нас опоил сокровенным желанием
чистосердечно жить для людей.
Сколько же раз это всё повторялось?!
В скольких обличиях?! Милая, мы –
можем остаться одни хоть на малость?
И чтоб ни света, ни тьмы –
только лазурная память! И снова
детская радость... Я всё позабыл...
Какое же было в молитве твое слово?
Как я ту девочку нежно любил?
Я много ещё про тебя не знаю,
поэтому в сердце разлад...
Возможно, в Индии или в Китае
нас обручили лет сто назад.

2014 г.

Нам с тобою надо – малость:
эти ночи вместе пить,
чтобы сгинула усталость
и хотелось снова жить.

Видишь, в зеркальцах созвездий
твой небесный соткан лик!
Даже я, такой невежда,
понимаю их язык.
В этих знаках Зодиака –
жизнь твоя отражена
и записана украдкой
в наших детях. Для меня
эта тайнопись, как вздохи
волн байкальских: я привык,
от прилива их оглохнув,
слышать сердцем каждый миг.
Миг счастливейший и внятный –
быть в тебе и в стынь, и в зной,
оставаясь непонятно,
непредсказано, собой.

Сколько нам ещё осталось
эти ночи вместе пить? –
Только осень отверсталась:
значить, жить ещё и жить!

В ночь с 21 на 22 марта 2012 г.

Душа пела и играла,
когда встретился с тобой!
Она нынче обветшала,
став как будто бы другой,
но лишь только прикоснёшься –
сердце снова рвётся в пляс,
и душе – опять неймётся:
она хочет напоказ
отчубучить будто внове
придурь рифм, кривлянье строф,
что замешаны на крови
наших буден, наших снов.
И нам это разоренье
закипающих мозгов
дарит чудные прозренья
в виде грустно-нежных слов:

*«Я вас люблю... Любовь ещё поможет
Душе моей загнуться не совсем,
И пусть она вас, Оленька, тревожит,
Но не печалит более ничем!»*

Я давно уже нежить,
я давно уже был
был бы, если б небрежно,
но безбрежно тебя не любил.

Я – грустная нежить,
я – скучная был,
был бы, если б небрежно
(в смысле безбрежно!) тебя не любил.

Я – чёрствая нежить,
я – снежная пыль,
был бы, если б не-брежно,
но и без-брежно тебя не любил.

Я – ожившая нежить.
Я – бессмертная был.
И всё потому, что безбрежно

и ... не-брежно тебя любил.

*11 часов 7.04.2010 г.
- 2 часа ночи 8.04.2010 г.*

Предпраздничное настроенье.
Беру перо и в сумерках души
пишу опять стихотворенья
как заклинанье: «Долго жить!»

Предпраздничное настроенье,
душа моя, ты – праздник мой!
Одно твоё прикосновенье
и я опять безжалостно живой...

Предпраздничное настроенье.
Весна. Предчувствие любви...
И вновь волшебные мгновенья
вдруг оживают в образах строфы.

.

Предпраздничное настроенье.
В бокалы налито вино...
Но ослепившее прозреньё
дарует вдохновеньё всё равно.

Предпраздничное настроенье.
Готов опять в тебя взойти
как в звёздный храм до сотворенья...
И нет конца тому пути...

Предпраздничное настроенье.
В камине шепчутся дрова...
И ты как будто наважденье
приходишь... И слова
вдруг оживают. В изумленьё,
робея, слушаю их речь...
Предпраздничное настроенье...
Как мне тебя в себе сберечь?!

И вот... Опять пишу стихотвореньё! –
Чтоб в сумерках уже любой души
предпраздничное настроенье
звучало заклинаньем: «Будем жить!»

\

Прирученный апрелем и весной вообще,
взываю к солнцу и взираю
на то, как в трепетной твоей душе
таинственные замыслы произрастают.

Куда б ты не шагнула всюду свет
во тьме... И тени даже оживают!
Уныния – в помине нет,
и снег холодный тает, тает...

Я потрясённый этой красотой
не в силах в чуде сомневаться:
мне так легко и радостно с тобой
в делах безумных сотворятся!

Я весь в предчувствии весны
мгновенье каждое...

И, суждено коль сбыться,
в масштабах, может быть, уже страны,
Иркутску надо так же приручиться...

2014 г

Содержание

1. Посвящение. *Предчувствие*3
2. Из книги «*Ночной приют странника*»7
3. Из книги «*Скрипка дерева*»33
4. Из книги «*Язык шершавый сумрака*» ...42
5. Из книги «*Голос ослепшей птицы*»47
6. Стихи из тетрадей. *Предчувствие*51
7. Цикл стихов. Иркутские страницы.....92

Александр Гордин

ПРЕДЧУВСТВИЕ

стихи

Редакция автора.

Рисунки Лилии Зубаревой, Александра Гордина

Фотографии из архива семьи Гординых

Использован стандарт-макет В. Тихомирова.

Формат 62×84^{1/32}. Гарнитура Times.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Фрактал»

Г. Иркутск, ул. Коммунистическая, 65 «А».

Тел. 485-604, 24-82-88